

УДК 908.471.62

**ИНТЕРЬЕР ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КУБАНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И МЕБЛИРОВКА
(XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)**

Гангур Н.А., – к.и.н., докторант

Краснодарский государственный университет культуры и искусств

В статье на основе архивных документов рассматривается внутреннее пространство традиционного жилища кубанского казачества, его композиция с элементами отделки: росписью, бумажными шпалерами, декоративными тканями, ковровыми изделиями, мебелью, картинами и т.п.

In the article a detailed based on some archive sources study of the Kuban Cossacks traditional dwelling interior has been made. There also has been considered its composition with decorative items design, paper panels, decorative tissues, carpets, rags, furniture, pictures, etc.

Интерьер народного жилища, в том числе и его семантический аспект, детально исследован этнографами, историками, искусствоведами. На материале нашего региона эта тема получила отражение в коллективных трудах, в работах Н.И. Кирея, Н.А. Корсаковой [5, 6, 8, 12]. Жилой интерьер кубанского казачества не являлся до настоящего времени предметом специального исследования. Цель данной статьи – рассмотреть предметы обстановки и убранства традиционного жилища кубанского казачества и его функциональную структуру на основе изучения как уже опубликованных материалов, так и многочисленных новых документов, выявленных в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК).

Основным типом казачьего жилища на Кубани в XIX веке была так называемая круглая хата, которая по внешнему виду мало, чем отличалась от украинской хаты - мазанки. Это вытянутые в плане турлучные или глинобитные, побеленные снаружи дома с четырехскатными круто поднимающимися соломенными или камышовыми крышами. В степных местах Черномории преобладали турлучные и саманные постройки. В лесных

районах Закубанья (Майкопский отдел) строили преимущественно турлучные хаты, но в ряде станиц были исключительно рубленные дома, крытые соломой или чаще всего дубовой дранью. Дерево также обмазывалось глиной; для побелки стен применялся мел, известь [2. С. 256; 12. С. 441-442; 19].

Наиболее распространен был двух- и трехкамерный тип жилища (сени, хата, комора или две хаты с сенями) с украинско-белорусским типом расположения печи и красного угла. Единство применяемых типов мебели и планировки организации жилого помещения предопределили размещение мебели в строго установленном месте, обусловленном наибольшим удобством ее использования и функциональным назначением каждой части помещения. Канонический вариант меблировки комнаты включал: лавы, ослоны (скамьи), «пол», стол, сундук, «мисник» (поставец) и «полици». Эта мебель в ряде случаев закреплялась на своем месте наглухо и имела как бы встроенный характер.

Функциональным центром внутренней части хаты являлся красный угол (укр. «покутя», «покут»), в нем находились образа и стол. Украшению святого или красного угла уделялось большое внимание: «изображения святых вставляются в божницу с резьбою; их покрывают большими полотенцами, с цветными узорами по краям» [4. С. 60]. Обычно в красном углу помещалось несколько икон, украшенных вышитыми, ткаными рушниками или одним большим узким полотенцем («набожник», «божник»). Иногда такое полотенце достигало в длину нескольких метров, концы спускались по сторонам божницы. Середина такого рушника декорировалась зубчатым краем или узкой полоской растительного орнамента и на концах вышивкой либо тканым орнаментом, кружевом.

Иконы устанавливались на специальной простой или резной деревянной полочке - «божнице». У зажиточных казаков были целые иконостасы из шести - восьми и более икон (до 25); они располагались иногда в несколько рядов, заполняя весь красный угол и образующие его стены. Центральное место в домашней божнице занимали три образа: Спасителя, Божией Матери и св. Николая Чудотворца (Николая Угодника). Образ Божьей Матери был самым любимым, он встречается наиболее часто и в разных иконографических вариантах: Богоматерь «Всех скорбящих радость», Богоматерь Владимирская, Казанская, Ахтырская, «Коронование Девы» и др. В малом деисусном чине домашних божниц после Спасителя и Богоматери чаще всего можно было видеть икону Николая Чудотворца, особо любимого и почитаемого святого, считающегося покровителем брака, животных, особенно лошадей. Состав других икон варьировался в зависимости от ряда жизненных обстоятельств, среди них: особенности хозяйственной деятельности, традиции, связанные с миграционным прошлым; местные праздники; иконы святых, имена которых носили члены семьи; семейные традиции; личные предпочтения [17. С. 75]. В описях упоминаются имена и других святых, чьи иконописные изображения ставили в божницу: Великомучеников Варвары, Ирины и Пантелеймона, Равноапостольной Марии Магдалины, Святителей Митрофана Воронежского и Дмитрия Ростовского и др.

Иконописные изображения выполнялись на дереве и холсте, реже – стекле, металле (железо, жезь, медь). У богатых казаков иконы «отличались ценностью отделки», то есть были украшены дорогими басменными металлическими или резными деревянными золочеными окладами. Оклад мог быть полным или состоять из одной или нескольких частей (венеч, рама, риза, фон, цата). В описях казачьего имущества обычно содержатся указания

на характер «оправы» икон: «за стеклом, оправленная серебром», «с изображением Спасителя и Матери Божией в серебряной и вызолоченной ризах, Спасителя в аплековой ризе», «Спасителя под стеклом в вызолоченной оправе, Богоматери в серебряной оправе и жемчужной ризе», «Спасителя под стеклом с вызолоченной резьбой», «образ Николая Угодника весь оправленный серебром», «в мишуровой отделке», «в металлической оправе», «в киоте под стеклом» и т.д. У черноморских казаков в составе домашних божниц в 20-е гг. встречались небольшие иконы «киевской работы», под стеклом, в «оловянных шатах (укр. одежда, убор - *Н.Г.*)» [20].

Вместо икон использовались и печатные изображения «святых ликов»: пресвятой Богородицы, Св. Николая, Георгия Победоносца и др. Перед образами ставили или подвешивали к потолку одну или несколько лампад; иногда ограничивались восковой свечой, которая прикреплялась к полочке. У зажиточных казаков в обиходе были не только стеклянные и медные лампы, но и хрустальные, фарфоровые (с маленькими иконами).

На стенах, ближе к красному углу, висели картины на темы: «Страшный суд», «Молитва Архангелу Михаилу» (от всех болезней), а также портреты царствующих особ; популярны были яркие лубочные картинки различного содержания и изображения персонажей народных сказок [10. С. 696; 13. С. 71; 14. С. 119; 21]. У состоятельных казаков стены парадных комнат украшались «кунштиками», «картинами на бумаге» (гравюра, эстамп), оформленными под стекло, в рамках, иногда золоченых либо в «бордюровой оправе» (или «бордюром оклеенных»). В данном контексте затруднительно определить по причине частого искажения слов в документах, что подразумевается под термином «кунштик»: гравюра, эстамп («куншт») или забавное произведение искусства («кунштюк»). Сюжеты картин были самые разнообразные: библейские (Самсон сильный, Адам и Ева) и исторические, в

том числе и французские («Союз государей», «Восстановление Франции» и др.). Например, в описи имущества (1858 г.) войскового казначея, подполковника Шкуропатского перечислены картины «в бордюровой оправе» под стеклом, изображающие известных русских военачальников – В.А. Корнилова, В.О. Бебутова, А.С. Меншикова, А.В. Суворова, членов царской фамилии, императора Наполеона Бонапарта и шесть картин из истории «королевы Женевиэвы» [22].

У черноморских казаков красный угол традиционно украшался искусственными бумажными, соломенными («ризки») цветами, которые в большом количестве помещались над образами. Стены оклеивали чистой бумагой или простыми дешевыми шпалерами. В жилом интерьере применялась декоративная роспись стен, печей в виде цветных полос: красных, желтых, синих, розовых, бурых, имитирующих довольно распространенный уже в начале XIX в. полосатый узор бумажных обоев [11. С. 56; 13. С. 71; 15. С. 17].

Перед божницей, находился большой продольный стол, покрытый белой скатертью или тканым килимом, на котором обычно лежал хлеб и соль – знак гостеприимства хозяина. Иногда в комнате было два стола - большой и маленький для детей - «сирно». В бедных хатах в красном углу устанавливали на специальных подножках «скрыню», которая в праздничные дни служила столом; в будничные – семья обычно обедала за маленьким низким «сирно» с круглой столешницей. У зажиточных казаков появляются столы столярной и токарной работы более сложной конструкции – ломберные и складные, с одним или двумя выдвижными ящиками; разнообразные по форме, размерам, отделке - «маленькие берестовые с окладкою грушею», «берестового дерева под политурую», «маленький зеленым сукном покрытый» и материалу - липа, груша, дуб, сосна, береста [23].

В жилищах со «встроенной мебелью» вдоль стен, по обеим сторонам от красного угла тянулись наглухо прибитые к стойкам широкие деревянные «лавы» (лавки) для сиденья. Подвижные узкие скамьи на ножках – «ослоны» («ослончики») приставлялись в необходимых случаях к обеденному столу, а иногда и к «лаве» для спанья. Такие скамьи изготавливались домашним способом или заказывались мастерам: «ослон майстерский стругальный», «деревянный с плечами», «с перильцем» [24]. У более зажиточных казаков появляются «канапеи» («канапей», «канапейка») - деревянные, со спинками и локотниками диваны, которые иногда покрывали тканой полосатой материей (укр. «тяжина») или килимом. В рассматриваемый период под названием диван фигурировали различные виды и типы мебели: с деревянным обрамлением и без него, с жесткой и мягкой спинкой, с локотниками и валиками и т.п. Сам термин появляется в описях имущества в конце 20-х годов: «окрашенный, обтянут нанкою голубого цвета». У казачьей аристократии имелось несколько диванов «берестового дерева под лаком» или крашенных, которые, по-видимому, помещались в гостевых комнатах (как в помещичьих усадьбах). У подполковника И. Шкуропатского (1859 г.) было три дивана - один «старый крашенный с двумя ящиками, оборванною подушкою» и два «под наклейкою с подушками, оббитыми бараканом: один с цветами по красному полю, а другой зеленым гладким» [25].

Деревянные стулья мог позволить себе только состоятельный хозяин, обычно использовались грубо сколоченные скамейки, табуреты, маленькие ослоны. Н.Н. Черный отмечает, что для «покупки полдюжины стульев требуются значительные для бедняка средства и вот он покупает один или пару стульев, которые и занимают первые места в хате, у стола наряду с «канапеями», «ослонами» и «лавами»...» [18. С. 424]. Тем не менее, уже в начале XIX в. несколько стульев «простой работы», у зажиточных – с

«юхтовыми», «зелеными сафьяновыми подушками», большей частью крашенные, «берестового дерева под политурую» и даже стулья-полукресла появляются в интерьере «парадных» комнат черноморских казаков [26].

Кроме красного угла, значимым местом был и печной угол. Большая четырехугольная (укр. «варистая») печь, занимавшая значительную часть помещения в хате, служила предметом особой заботы хозяйки дома стремившейся содержать ее в чистоте («всегда чисто вымазана»), а по возможности и украсить ее. В украинском быту было широко принято украшать росписью верхнюю часть печи («комин») [3. С. 123]. Печь, в отличие от белых стен, окрашивали в голубой, но чаще в желтый цвет с яркими растительными узорами или разноцветными полосами [7. С. 80; 15. С. 17; 19]. У богатых казаков были голландские печи - «грубки» с кухонными плитами. «Грубки» («груба»), украшенные «разными колонками и карнизами», с «лежанками» устраивались в «светлице» для дополнительного обогрева в домах с двух- или трехкамерным типом жилища [1. С. 560; 10. С. 696; 27].

У входа, по другую от печи сторону двери прикреплялись в два-три ряда полки для посуды («малый мисник», поставец). «Большой мисник» представлял собой род буфета с верхним отделением для мелкой посуды и нижним для печного хлеба и т.п. Около печи находились ухват, кочерга, лопата, на лавках - ваганы (долбленные корыта), дежи – кадки для заквашивания теста. В первой половине XIX в. в казачьем быту была распространена преимущественно глино-каменная, деревянная и металлическая - чугунная, оловянная, медная утварь: тарелки, блюда, миски, чашки, супники, соусники, казаны, горшки, чавуны (чугунные котлы), сковороды.

Шкаф появляется в сельской среде раньше всех других видов городской мебели. Он мог быть сделан в два яруса с отдельными дверцами для верхнего и для нижнего яруса, мог представлять собой сочетание комода и буфета: «под стеклами, крашенный голубою краскою», «с тремя ящиками под стеклом», «с комодом, обмалеванный зеленой краской», «деревянный о 4-х ящиках», «с пятью перегородками», «шафа с орехового дерева сделана с тремя ящиками и в горе (вверху – *Н.Г.*) под стеклом», «комод окрашенный под красное дерево со шкафом» и т.п. [28]. Основным материалом служила сосна, реже дуб и орех; в цвете решения доминирует зеленый или голубой тон, но встречается имитация и под натуральный цвет дерева. Собственно комод как тип мебели, представляющий несколько горизонтально расположенных один над другим выдвижных ящиков, фигурирует в описях казачьего имущества с середины 20-х годов XIX столетия: «простой работы новый с завесочками под замок сделанный», «большой, красною краскою окрашенный, сосновый, прочный», «комод без шафи с мисником» [29].

Комоды были еще редким явлением в рассматриваемый период и для хранения одежды, ценных вещей использовались сундуки; их покупали на ярмарках или заказывали мастеру. Сундуки были разной конструкции: на ножках и без них, на колесах, с внутренними замочками, выдвижными ящичками, с «прискринком» (внутренняя полочка, где женщины хранили деньги). Они различались своими размерами, материалом и художественно-конструктивным решением. Предпочтение отдавалось деревянным сундукам, окрашенным в яркие цвета (зеленый, красный), обитым металлическими полосками из железа или жести. Материалом служили разные породы деревьев: сосна, липа, дуб, верба, береза (береста), кипарис. В обиходе употребительны были также старые малороссийские скрины, встречались турецкие кипарисовые сундуки, окованные жестью. В сундуках хранили

одежду, предметы интерьерного назначения, дорогую утварь, столовое серебро, украшения, оружие и т.д. Зажиточные казаки имели в доме от двух до пяти сундуков различных размеров: в одних хранилась исключительно женская и детская одежда, в других – мужская, отдельно дорогое оружие.

В «глухом» углу помещалась кровать, рядом с которой стоял сундук с одеждой. В бедных хатах кроватью служили лавки и «пол» («пiл», «примост», «полык») – широкий помост типа нар, идущий от боковой стенки печи до противоположной стены. «Пол» делался шириной метра полтора и больше из нескольких досок, длиной чуть более двух метров, уложенных на поперечниках, упирающихся в закопанные в земляной пол столбики, высотой до одного метра [18. С. 424]. Кровати имели простую конструкцию и не отличались изяществом отделки, очень редки упоминания о кроватях с «точеными ножками», «лубовым полом» или «берестового дерева» [30].

В «светлице» обычно стояла большая двуспальная кровать, с целой горой пуховых, перьевых перин и подушек, уложенных в несколько ярусов. Поистине азиатская роскошь, пристрастие к дорогим восточным тканям, ярким цветам, блеску материи проявляется у казачьей войсковой аристократии в убранстве «парадной» кровати. Одежда персидские, аладжевые, штофные, шелковые ярких расцветок, стеганные, на вате, ситцевые, контрастных тонов с разводами и цветами; ситцевые наволочки и холстяные простыни, вышитые шелком или запольчю, яркие персидские и украинские ковры с пышной растительно-цветочной орнаментацией создавали напряженную цветовую доминанту в контрасте с белой гладью стен, блеском золоченых рам, окладов икон, металлической посуды.

В казачьих семьях среднего достатка в обиходе были менее дорогие фабричные ткани: нанка, набойка, пестрядь, ситец, килимы-ковры суконные и тканые. В бедных семьях часто и простынею и покрывалом служили грубые

домотканые рядна. Укрывались также лоскутными одеялами домашнего изготовления или мягкими «ложниками» (укр. «ліжник»), ткаными из толстой пряжи овечьей шерсти с узором из цветных полос. Над «полом» или спальными нарами под самым потолком горизонтально подвешивалась тонкая длинная жердь («жертка») для развешивания будничной одежды. В качестве защиты от комаров шили пологи их хряща, полосатого или клетчатого холста.

Пол («долівка», «підсыпка») в турлучных и саманных хатах чаще всего был земляной (глинобитный), мазаный, и только зажиточные казаки могли позволить себе дощатый, крашеный. Глиняная обмазка земляного пола возобновлялась еженедельно. Для раскраски земляного пола применялся толченый, просеянный красный кирпич (цегла), как в чистом виде, так и с добавлением растительных красителей (перетертые корни конского щавеля) или использовались цветные глины и железные голыши в виде охры. Иногда пол расписывали «кубиками», «веточками», «полосками», имитируя по узору и расцветке ковер [32]. Роспись наносилась обычным «вихтем» (накатывание узора при помощи тряпки). Земляной пол в зимнее время покрывался грубым холстом и рогожками, ряднами, «дранками» - род ковров для полов («половики»), «кодрею» и т.п.

Интерьер казачьего жилища менял свой облик в соответствии с сезоном, так, например, на зиму в хате часто ставили ткацкий стан, предметы прядильного производства. Облик помещения совершенно преображался в праздник. К христианским праздникам – Рождеству, Пасхе, Троице и в дни совершения обрядовых действий было принято украшать хату вышитыми рушниками, настольниками, одеялами, подушками с «расшитыми» наволочками. Для праздничного убранства хаты использовалось несколько накрючников, на которые вывешивали богато орнаментированные полотенца,

откуда и происходит их название: «крючковые» или «килковые» (укр. «кілок» – деревянный гвоздь). После праздника «все это убирали и клали в сундук до следующего большого праздника» [33]. Обычай украшать свои жилища вышитыми и ткаными полотенцами распространен у южнорусского населения и среди украинцев.

В начале XX в. влияние города и мещанской среды заметно отразилось на эволюции плана кубанской хаты и ее внутренней обстановке. И.Успенский отмечает, что «люди мало-мальски состоятельные стали воздвигать домики по новому плану: с залами, спальнями, отдельными кухнями, с длинными коридорами и даже с парадными крыльцами. Обстановка в комнатах появилась новая: раскрашенные диваны, стулья, табуреты и на окнах занавески, в шкапах за стеклом можно всегда видеть избыток чайной посуды; словом, во всей домашней обстановке было изобилие и довольство, а у некоторых даже была допущена роскошь в виде венских стульев и раскладных столов» [16. С. 225].

Усложнение внутренней планировки, выделение «парадных» (зал, «горница», «светлица») комнат неизбежно влекло за собой разрушение канона в организации старого жилища. Появление предметов мобильной мебели - стулья, диваны, шкафы, столы, комоды требовало и соответствующего размещения их в интерьере. Маленькие столики появляются или перед диванами, или рядом с ними, стулья занимают почетное место в красном углу рядом с массивным столом, шкаф наполняется майоликовой, фарфоровой, серебряной и хрустальной посудой. Обязательным атрибутом интерьера парадной комнаты становится большое зеркало в деревянной раме, украшенной резьбой. Стены чаще всего оклеивались обоями (шпалерами) и украшались картинами, гравюрами; в красном углу – большие иконостасы с богатой отделкой. Появляются, пока

только в виде исключения, и новые виды городской мебели – софа, шифоньер (гардероб), туалетные столики с зеркалом и музыкальные инструменты - органы [31].

Таким образом, в границах канонического возникают элементы индивидуализации, связанные с увеличением предметов подвижной мебели и различной утвари. Именно в этих вещах концентрировалась образная информация, содержательное наполнение интерьера. Мебель и предметы оформления интерьера несли «семантическую» информацию о социальном и имущественном статусе их владельцев; выполняли ярко выраженную декоративную, эстетическую, престижную функции или сугубо утилитарную, прикладную; отличались полистилизмом в характере декорировки, что и порождало ярко выраженный «стилевой» эклектизм, характерный в целом для казачьей культуры.

Мы рассмотрели предметы мебелировки и убранства жилого интерьера на основе архивных документов: описей имущества умерших казаков. Несмотря на известную фрагментарность описаний, они, тем не менее, помогают современным историкам и этнологам лучше понять особенности материальной культуры кубанского казачества, некоторые компоненты которой в дальнейшем утрачивались. Безусловно, круг возможных источников не исчерпан и опыт реконструкции интерьера кубанского казачества еще далек от окончательного завершения.

Список литературы и источников:

1. Арканников Ф.Ф. Николаевская станица // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883.
2. Арканников Ф. Город Темрюк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1884.
3. Бежкович А.С. Настенная роспись украинской хаты // Сов. этнография. 1954. № 2.

4. Близиуков П. Станица Бесленевская Кубанской области Майкопского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. Тифлис, 1888.
5. Кирей Н.А. Типы традиционного сельского жилища кубанских казаков и народные способы его строительства (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1994.
6. Корсакова Н.А. Материальная культура казачьего населения Кубани во второй половине XIX – начале XX вв. // По страницам истории Кубани (Краеведческие очерки). Краснодар, 1993.
7. Котельников. В. Кубань –Терек. М., 1950.
8. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.
9. Легкий Р. Портовый город Анапа. Екатеринодар, 1890.
10. Липинский. Троицкая станица // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883.
11. Орлова К.А. Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX века. Л., 1982.
12. Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. Москва - Краснодар, 2002.
13. Петр Андреевич. По поводу черноморских писем // Орел. 1859. № 2.
14. Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
15. Серафинович И. Обзор производительности бывшей Черномории Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Екатеринодар, 1876.
16. Успенский И. Станица Димитриевская // Кубанский сборник. Т.VIII. Екатеринодар, 1901.
17. Цеханская К.В. Икона в русском доме // Этнографическое обозрение. 1997. № 4.
18. Черный Н.Н. Ейский уезд // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883.
19. ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 156 а. Л. 2-3; Ф. 574. Оп. 1. Д. 215. Л. 18.
20. Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 450. Л. 675; Ф. 482. Оп. 1. Д. 4. Л. 9; Д. 12. Л. 4.
21. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 378; Д. 439. Л. 141; Д. 559. Л. 4; Ф. 460. Оп. 1. Д. 190. Л. 49.
22. Там же. Ф. 250. Оп. 3. Д. 38. Л. 203; Ф. 250. Оп. 2. Д. 70. Л. 670; Оп. 5. Д. 53. Л. 492.
23. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 70. Л. 671; Оп. 3. Д. 38. Л. 204; Д. 39. Л. 9.
24. Там же. Оп. 3. Д. 24. Л. 13; Оп. 5. Д. 53. Л. 471.
25. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 44; Ф. 250. Оп. 5. Д. 53. Л. 487, 492.
26. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 378; Д. 439. Л. 141; Д. 559. Л. 4; Оп. 3. Д. 39. Л. 10; Д. 33. Л. Д. 28. Л. 3, 155; Оп. 5. Д. 53. Л. 384.
27. Там же. Ф. 252. Оп. 5. Д. 209. Л. 11-12; Ф. 449. Оп. 6. Д. 156 а. Л. 2; ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 190. Л. 49.
28. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 559. Л. 2; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 32, 35, 40; Оп. 3. Д. 36. Л. 11; Оп. 3. Д. 35. Л. 29; Оп. 3. Д. 39. Л. 9.
29. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 234. Л. 104; Д. 559. Л. 3; Оп. 3. Д. 39. Л. 9; Оп. 5. Д. 53. Л. 384.
30. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 72; Ф. 250. Оп. 2. Д. 559. Л. 2.
31. Там же. Ф. Ф. 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 231; Д. 58. Л. 571; Д. 234. Л. 104, 519; Д. 559. Л. 3.
32. Полевые материалы Кубанских фольклорно-этнографических экспедиций отдела фольклора и этнографии КГНТУ «Кубанский казачий хор»: ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская. АК 969; ПМ КФЭЭ-98. Гулькевичский р-н, ст. Скобелевская. АК № 1778.
33. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий, ст. Новорождественская. АК № 963, 966.